

БИТВА ЗА РОССИЮ

АЛЕКСАНДР ДУГИН

**ЕВРАЗИЙСКИЙ
РЕВАНШ
РОССИИ**

Александр Гельевич Дугин

Евразийский реванш России

Серия «Битва за Россию»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8875644
Дугин Александр. Евразийский реванш России: Издательство
«Алгоритм»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0882-6

Аннотация

Александр Гельевич Дугин – российский общественный деятель, философ, политолог, социолог. Его перу принадлежат несколько десятков научных и публицистических произведений, многие из которых получили широкое читательское признание. В новой книге Александра Дугина идет речь о конфликте русского и западного мира в свете последних событий на Украине. По мнению Дугина, Россия сейчас решительно выступила против «мирового правительства», которое долгие годы пыталось диктовать ей свою волю, – наша страна укрепляет свои позиции на евразийской арене. В самом скором времени должен наступить конец гегемонии «Атлантического консенсуса», но для этого Россия должна выдержать жесткую борьбу с ее западными противниками, утверждает Александр Дугин.

Содержание

Введение. Евразийские оси дружбы	5
Евразийский союз и евразийский диалог	5
Евразийский постмодерн: к новой экономической теории	15
Постоянная и переменная части геополитической картины мира	21
Внешнеполитическая эклектика, или Три стратегии Российской внешней политики	31
Асимметрия	38
1. Объективный взгляд	38
2. Тезис Запада – однополярный мир	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дугин Александр Евразийский реванш России

© Дугин А.Г., 2014

© ООО Издательство «Алгоритм», 2014

Введение. Евразийские оси дружбы

Евразийский союз и евразийский диалог

Создание Евразийского союза провозглашено одним из важнейших приоритетов российской внешней политики как стратегия третьего срока президента Путина. Следует приглядеться к этому проекту внимательно и определить его значение как для глобальной архитектуры мира, так и для основных региональных держав, напрямую граничащих с Россией и странами СНГ. Итак, что понимают в Москве под Евразийским союзом?

В своей программной статье, провозгласившей ориентацию на Евразийский союз, президент Путин не дает всех ответов на острые вопросы, но намечает общие подходы. Во-первых, из статьи явствует, что Евразийский союз не является синонимом Евразийского экономического содружества (ЕврАзЭС), в рамках которого речь идет исключительно об экономическом партнерстве и создании таможенного союза. И ЕврАзЭС (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия), и таможенный союз (Россия, Казахстан, Бе-

ларусь) уже существуют и действуют. Не дублирует Евразийский союз и Организацию Договора о коллективной безопасности (Россия, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Киргизия, Армения). Речь идет не только об экономической интеграции и едином стратегическом пространстве – речь идет о новом сверхнациональном политическом образовании на пространстве СНГ, то есть о своего рода Евразийской Конфедерации как прямом аналоге Европейского Союза. Причем будущее интеграционное образование нельзя сравнивать ни с Российской империей, ни с СССР; оно создается на основании совершенно иной политической и социальной модели, в основе которой лежат демократические принципы и процедуры, признание суверенитета всех членов Союза, принцип добровольности членства, а также отсутствие какой бы то ни было унифицирующей идеологии. Эти аспекты позволяют сразу отбросить возможные аналогии, на основании которых западная и мировая пресса принялась толковать инициативу Путина. Говорить о том, что Москва «воссоздает Империю или СССР», – все равно что отметить Евросоюз как возрождение империи Карла Великого, возврат к планам Наполеона или реализацию «Панъевропейского Рейха», планы которого вынашивались в СС (проект Долежалек). Это сравнение показывает всю абсурдность поверхностной критики. Евразийский союз – проект создания совершенно нового демократического интеграционного образования на евразийском пространстве.

В создании Евразийского Союза важнейшую роль играет принцип цивилизации. И здесь мы вплотную подходим к философии евразийства, которая и является идейной средой, подготовившей проект Евразийского Союза. Согласно евразийству, Россия исторически и в Новое время была не просто европейской или азиатской страной, или гибридом того и другого, но вполне самостоятельной цивилизацией, где большое значение наряду с восточнославянским и православным фактором имели тюркские и финно-угорские этносоциальные и культурные традиции, а также мусульманские религиозные структуры. Русская культура является евразийской как синтез и нечто вполне своеобразное, а не синкретическое сочетание разрозненных элементов Востока и Запада. И границы этого евразийского «культурного круга» отнюдь не исчерпываются искусственными пределами Российской Федерации, но включают в себя практически все постсоветское пространство, представляющего собой единое целое. Цивилизационное единство подкрепляется сходством социального уклада, экономическими особенностями, энергетическими интересами и военно-стратегическими вызовами. Все это вместе составляет аргументы евразийской интеграции и предпосылки создания евразийского Союза.

При этом проект Евразийского союза влечет за собой логически несколько иных фундаментально важных моментов, также относящихся к евразийской философии.

На планетарном уровне евразийство предполагает созда-

ние многополярного мира – вопреки однополярному, существующему сегодня при очевидной доминации Соединенных Штатов, или бесполярному (глобализационный проект, предполагающий появление мирового правительства).

Благодаря ловкому использованию американской администрацией ситуации 11 сентября 2001 г. к началу 2010-х гг. существует только один геополитический полюс – США. Но есть и альтернативная модель, которая вполне может быть реализована теми, кто сегодня уже тяготеет своими тогдашними «антитеррористическими обязательствами – это многополярность. Однако для того, чтобы она реализовалась, необходима воля и усилия. Как есть капитализм, но может быть социализм, точно так же есть однополярность, но может быть многополярность. Многополярность – это, в каком-то смысле, революционная перспектива.

Полюсами в этой многополярной системе теоретически могут быть только «большие пространства», а не государства. Государства как таковые полюсами быть не могут, полюс – это больше, чем государство.

Я вижу мир четырехполюсным. В этом мире есть европейский или даже евро-африканский полюс, есть полюс евразийский – Россия и ряд других евразийских держав, тихоокеанский полюс (Китай и Япония) и существующий американский, отказавшийся от глобальной доминации и ужатый до территории между Атлантическим и Тихим океанами. Каждый из этих полюсов-зон тоже может иметь плюраль-

ную структуру.

Таким образом, можно сказать, что многополярность – это такая картина мира, где границы проходят не между государствами, а между цивилизациями. Это и есть альтернатива существующему глобальному миру или однополярному миру, где все решает США.

Евразийский союз, предполагающий включение большинства стран СНГ, мыслится как полюс многополярного мира, наряду с другими полюсами – американским, китайским, европейским, индийским, исламским, латиноамериканским. Для того, чтобы быть полноценным полюсом многополярного мира, и у России, и тем более у других стран СНГ фатально недостает ресурсов, масштабности, инфраструктуры. Следовательно, не объединившись в самостоятельное и равноправное евразийское образование, все страны СНГ рано или поздно окажутся принудительно включенными в те или иные коалиции, с явной гегемонией той или иной силы – Европы, США, Китая, радикального ислама и т. д. Но с каждой из этих гегемоний у стран СНГ будет заведомо намного меньше общего, нежели друг с другом или с Россией. Отсюда прямая зависимость успеха построения многополярного мира и скорости осуществления евразийской интеграции.

Однако для того, чтобы построить многополярный мир, необходимо расстроить однополярное устройство и сорвать проект создания мирового правительства. Поэтому Евразийский Союз представляет собой прямой вызов США и Западу

в целом и их глобальной стратегии. Западу в многополярном мире отводится значительная, но не решающая роль. Неудивительно, если Запад будет этому проекту противиться. Создать Евразийский союз можно только в активной и эффективной конкурентной борьбе на разных уровнях – стратегическом, экономическом, энергетическом, политическом, дипломатическом и т. д. Путин к этому готов и прекрасно это понимает.

Другим важным моментом евразийской политической философии является реорганизация баланса сил на евразийском материке в целом. Евразийский союз имеет границы, совпадающие в целом с границами стран СНГ, где интеграция должна быть максимально тесной. Но от того, какова будет архитектура отношений между собой других прилегающих евразийских региональных держав (Китай, Индия, Иран, Пакистан, Турция, Афганистан и т. д.), зависит сам успех евразийской интеграции.

Таким образом, можно выделить три слоя в контексте евразийского континента:

- ядро интеграции – современная Российская Федерация, называемая геополитиками heartland, сердцевиной землей;
- зона Евразийского Союза: территория стран СНГ, предполагающая вхождение в единое политическое образование, своего рода конфедерацию;
- политическое пространство всей Евразии, структурированное вокруг других силовых полюсов: Китай, Индия, Па-

кистан, Иран, Турция, Афганистан и т. д.

Эти три зоны в теории многополярности призваны быть максимально независимыми от США и Запада и организовать свои отношения в рамках строго регионального партнерства и в своих интересах. Каждая из региональных держав приглашается предлагать свои интеграционные проекты по аналогии с Евразийским союзом.

Для Китая аналогом Евразийского союза может быть интеграция с Тайванем. Для Индии – укрепление связей с Непалом и Бангладеш, а также урегулирование конфликтов с Пакистаном. Для Ирана – создание зоны шиитского влияния как в Афганистане и на Южном Кавказе, так и на Ближнем Востоке (Ирак, Сирия, Бахрейн, Ливан и т. д.). Для Пакистана – интеграция с пуштунскими регионами Афганистана. Для Турции – укрепление территориальной целостности, сохранение контроля над Северным Кипром и Курдистаном.

Некоторые зоны влияния могут пересекаться на основании общности тех или иных факторов – религиозных, этнических, политических, стратегических и т. д.

Вместе с тем, третий пояс Евразии предполагает появление в будущем координационной структуры, призванной осуществлять координацию основных региональных держав между собой. Отчасти эта функция возложена на Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Но исторически и даже символически в ней бросается в глаза непропорционально большая роль Китая, а также отсутствие Ирана и Тур-

ции, ключевых игроков в Евразии. Поскольку ШОС решает ряд стоящих перед этой организацией вопросов, она вполне может существовать и дальше. Но многополярный мир и евразийская философия требуют новой координационной модели – создания общей площадки стран «Евразийского Диалога» или «Евразийского Форума» (вариант «Евразийской Конференции»). В этой структуре должны изначально быть учредителями все ключевые игроки Евразии, разделяющие императив многополярного мироустройства и заинтересованные в успешной региональной интеграции.

Так как Россия занимает центральное место в геополитическом пространстве континента, то можно представить себе «Евразийский диалог» как набор осей, сходящихся в точке Москвы:

- юго-западная ось: Анкара – Москва;
- южная ось: Тегеран – Москва;
- юго-восточная ось (1): Исламабад – Москва;
- юго-восточная ось (2): Нью-Дели – Москва;
- восточная ось: Пекин – Москва.

Кроме того, между всеми этими центрами сил могут быть дополнительные связи и соответствующие структуры.

К Евразийскому союзу едва ли смогут примкнуть крупные региональные державы, так как степень предполагаемой интеграции здесь слишком высока. Равно как и Россия и страны СНГ едва ли смогут стать естественными участниками интеграционных проектов, строящихся вокруг других

евразийских центров. Но осуществление всех этих интеграционных циклов важно не только для тех, кто их осуществляет, но и для всех остальных евразийских держав: многополярный мир невозможно построить в одиночку, и в этом смысле в успехе Евразийского Союза должны быть кровно заинтересованы даже те страны, которые непосредственно в нем принимать участия не будут. Верно и обратное: Россия и страны СНГ должны активно поддерживать интеграционные инициативы других евразийских стран и оказывать им всяческую поддержку.

Если мы сложим наиболее значимые козыри потенциальных участников «Евразийского диалога», то получим весьма внушительную картину:

Китай: мощнейшая экономика, огромный демографический потенциал, технологический рывок модернизации, самобытная цивилизация;

Россия: ядерный потенциал, огромные территории, богатейшие запасы природных ресурсов, традиции политической независимости, особая культура;

Иран: активное политико-религиозное мессианство, древнейшая культура, жесткая оппозиция однополярному миру, западной глобализации и постмодернистской культуре;

Индия: бурное развитие промышленности, высокая технология, мощная демография, древнейшая культура;

Турция: динамичное развитие, геополитическая активность в регионе, социокультурные особенности;

Пакистан: ядерное оружие, высокая демография, потенциал активной политической исламской культуры.

Если поодиночке конкуренция с США и Западом у всех этих стран проблематична, то в совокупности они представляют собой гигантскую планетарную силу, способную совместно диктовать Западу условия (по крайней мере, отстаивать право на свободное поведение на пространстве собственных стран и прилегающих зон влияния, без опасения экспорта цветных революций и иных субверсивных стратегий, применяемых Западом).

Многополярный мир, Евразийский союз и евразийство в широком смысле связаны между собой неразрывно. Если мы совместно не отстоим право на то, чтобы сохранять и развивать свои оригинальные цивилизационные уклады, то утратим независимость и исчезнем с лица истории. Поэтому евразийство и многополярность являются абсолютными императивами будущего.

Это ясно понимает Путин. Это столь же ясно должны понять лидеры остальных великих евразийских держав.

Евразийский постмодерн: к новой экономической теории

Отношения России со странами Востока начинают играть большую роль. Если ранее все внимание было сосредоточено на развитии контактов с Западом, что было для российских экономистов синонимом «модернизации», сегодня центр тяжести начинает смещаться к странам «Третьего мира» – Азии, Латинской Америки и т. д. К примеру, объем внешней торговли России с Турцией растет бешеными темпами и на 2012 составляет уже порядка 30 миллиардов долларов. В ближайшем будущем Россия по всем прогнозам перегонит Германию и станет главным партнером Анкары. И у России, и у Турции есть стремление к интеграции в западный мир, но на практике получается, что эта перспектива остается весьма отдаленной и почти теоретической, тогда как экономическое сотрудничество между евразийскими державами приносит ощутимые дивиденды уже сегодня. И дивиденды немалые. Все это заставляет всерьез обратиться к теме евразийской экономики, которая ранее была в загоне из-за чрезмерного и повального увлечения Западом.

Смысл евразийского подхода к экономическому развитию таких стран, как Россия, Турция, Китай, Иран, Индия, стран постсоветского пространства и т. д., заключается в следующем. Безусловно, евразийские страны проигрывают по рит-

му модернизации странам Запада и в первую очередь США. Запад уже перешел в фазу постиндустриального информационного общества – в постмодерн, а евразийские государства живут в индустриальном обществе – для них «модерн» не закончился, а «модернизация» не завершилась. Из такой ситуации есть два выхода: либо обратиться к Западу за помощью в осуществлении рывка к постиндустриальному обществу (через интеграцию в мировой рынок, глобализацию и т. д.), либо продолжать модернизацию своими силами, сохраняя независимость и самостоятельность, а значит, суверенитет. Первый путь отстаивают глобалисты и ортодоксальные либералы. В России его сторонники преобладают, и останавливаться на нем нет нужды. Второй путь – это и есть евразийская экономика. Ее принципы мене известны и популярны.

Суть евразийского экономического анализа сводится к убежденности, что «догоняющее развитие» в процессе глобализма не только не поможет модернизации национальной экономики, но и приведет к десуверенизации страны, практически к введению «внешнего управления». Здесь действует экономический закон Фридриха фон Листа, сформулированный еще в конце XIX века: «если две страны с неравно развитыми экономиками интегрируются в общую зону, та страна, что была богаче, еще более богатеет и развивается, а та, что была беднее, еще более нищает и деградирует, превращаясь в колонию». Постиндустриальное общество может прийти в страны Евразии и проникнуть в отдельные секто-

ра, но этот процесс будет односторонним и по сути направленным на то, чтобы высасывать из страны богатства через сеть транснациональных корпораций. На примере российских реформ эта закономерность очевидна: из высокоразвитой модернизированной экономики индустриального типа Россия на глазах превратилась в простого поставщика ресурсов, т. е. ее экономика параллельно интеграции в постиндустриальное общество скатилась почти на преиндустриальный уровень, вполне сопоставимый с примитивными обществами, способными лишь к экспорту сырья.

Но и экономическая изоляция не спасает положение дел, так как отставание в развитии от Запада делает национальную экономику неконкурентоспособной, и рано или поздно ее все равно придется открывать, с соответствующими «колониальными» последствиями.

Поэтому единственной приемлемой альтернативой экономической глобализации остается создание «больших пространств» – особых зон, расположенных рядом друг с другом, со схожим уровнем модернизации экономического уклада. На практике это означает объединение крупных евразийских держав – России, Турции, Ирана, Индии, Китая, стран постсоветского пространства в единый «таможенный союз». Все эти страны пребывают в индустриальной фазе своего развития. Поодиночке они не способны конкурировать с Западом, но совокупно их потенциал – ресурсный, интеллектуальный, демографический и т. д. – вполне кон-

курентоспособен. Объединив свои усилия в рамках общей евразийской экономической зоны – с общими правилами игры, в дальнейшем, возможно, с общей валютой, – они вполне могут развиваться самостоятельно, помогая друг другу довести процесс модернизации до логического конца и перейти к постиндустриальной фазе (к постмодерну), не утрачивая при этом своей национальной идентичности, не растворяясь в глобализме и не превращаясь в колониальный придаток стран «богатого Севера».

Евразийская экономическая теория основывается на рыночном подходе, но ставит во главу угла национальные интересы, а не абстрактные догматы либерализма. Общая логика экономического развития и перехода от одного экономического уклада к другому описывает идеальные условия и более или менее подтверждается лишь опытом западных стран, развивавшихся в особых исторических, культурных, религиозных и политических условиях. Этот опыт не может быть перенесен автоматически на другие регионы, в частности, в Азию и Евразию. А если настаивать на этом, то в выигрыше останется Запад. Евразийский анализ показывает, что экономическая глобализация есть, по сути, лишь новая форма «колонизации». Но если классический колониализм проходил под знаком эксплуатации индустриальными европейскими державами архаических, прединдустриальных обществ Азии, Африки и Латинской Америки, то сегодня такая же диспропорция наблюдается между постиндустриальными

странами Запада (в первую очередь США) и индустриальными державами Востока (шире, Третьего мира).

Евразийская экономическая теория предполагает совмещение двух равновеликих и общеобязательных императивов: экономическая модернизация и сохранение политической и национальной суверенности. В рамках отдельной страны Азии, Евразии или Третьего мира это неосуществимо. Но сложение экономических потенциалов крупных евразийских держав – индустриального, интеллектуального, демографического, ресурсного и т. д. – дает искомый результат. На практике это означает создание особой экономической зоны на востоке евразийского материка, которая была бы аналогом Евросоюза, но с учетом иной фазы экономического развития тех стран, которые формируют костяк этого евразийского «единого экономического пространства». Единая экономически Евразия в таком случае способна стать важнейшим полюсом многополярного мира, партнером Европы и США, мотором развития для других регионов, уступающих евразийским странам по уровню развития. Речь не идет о полной изоляции даже этого «большого пространства» от Запада или Японии с их более высоким технологическим укладом: отношения будут развиваться, а сотрудничество наращиваться. Однако евразийская зона будет сохранять качество независимого конкурентоспособного субъекта, строго следящего за тем, чтобы экономическое развитие осуществлялось бы равномерно, пока естественные

процессы индустриализации Евразии не перейдут плавно и последовательно к постиндустриальной фазе. Это экономика евразийского постмодерна, который по ряду критериев – особенно культурных, социальных, политических, психологических и др. – будет существенно отличаться от постмодерна глобалистского и западного.

Постоянная и переменная части геополитической картины мира

Геополитический метод в своем сущностном выражении сводится к основополагающему дуализму между двумя антагонистическими моделями могущества – морской и сухопутной. Рассуждать о геополитике без учета этого дуализма совершенно бессмысленно, как говорить о классической физике, не признавая законов гравитации. Для специалистов это очевидно, но для обычной публики, слышащей слово «геополитика» от телекомментаторов, это может оказаться открытием. Оппозиция суша-море является в геополитическом методе тем же, что дигитальное разложение на двоичный код 0–1 в компьютерных технологиях.

Приняв это как аксиому, мы входим в стихию геополитического анализа. Но в данном случае все становится постепенно все более и более сложным.

Во-первых, как и в квантовой механике, очень многое зависит от «позиции наблюдателя». Соглашаясь в принципе относительно законов игры, независимо от того, играем ли мы белыми или черными, далее мы встречаемся с определенными проблемами. Дело в том, что геополитическая методология не является одномерной и строго симметричной. Черные и белые (суша и море) здесь подчиняются разным правилам, по-разному ходят, преследуют различные це-

ли. Это качественные полюса, наделенные автономной логикой и автономной стратегией. В отличие от иных количественных дисциплин, геополитика оперирует с качественным подходом, отталкивается от фундаментальной качественной асимметрии базовых полюсов. Пространство геополитического анализа анизотропно: взгляд с суши на море и с моря на сушу дает нам разные результаты; это два разных пространства, подчиненных соответственно двум различным логикам.

Суша и море – не только внешние позиции наблюдения, это еще и внутренняя сущность наблюдателя. Суша и море не только вовне, но и внутри. Люди цивилизации суши видят мир, других людей, культуры и системы верований в своей геополитической оптике, люди цивилизации моря – в своей. А так как существуют еще и промежуточные комбинированные варианты (условно называемые «береговыми»), то картина невероятно усложняется.

Однако задача геополитики в том, чтобы выявить в любой – даже самой сложной – системе базовый дуализм (сушу и море), чтобы потом тщательно проследить диалектику развития каждого из этих начал в самых разнообразных и многосложных комбинациях. Китайская теория мужского и женского начал – инь и ян, или марксистская диалектика взаимоотношений труда и капитала дают нам некоторые аналоги геополитической методологии; но базовые полюса в нашем случае, естественно, иные.

Геополитика не ставит своей целью вынесение метафизического, гносеологического или этического диагноза – что есть свет, истина и добро, а что тьма, ложь и зло. Геополитика старается вникнуть в ценностную структуру каждой цивилизации, понять и описать ее логику. Но так как объективная методология всегда используется конкретной личностью или группой людей, в свою очередь являющимися продуктами вполне определенной цивилизации, то объективной геополитики даже теоретически не может быть: она всегда будет геополитикой англосаксонской, германской, русской, арабской, китайской, японской, турецкой и т. д., отражая специфику качественного подхода каждой из национальных школ. И все же эти подходы становятся подлинно геополитическими, когда возвышаются до обобщения, оперирующего с изначальной геополитической парой, соотнося историю своей страны, религии, культуры, расы с основополагающей структурой кода суша-море.

По мере повышения интереса к геополитическим исследованиям становится все более насущным дать четкое определение геополитики, для того чтобы это понятие не сужалось и не расширялось. Базового определения шведа Рудольфа Челлена *«геополитика есть дисциплина, изучающая отношение государства к территории»* явно недостаточно сегодня, так как более чем столетние исследования в этой области показали, что геополитический метод вполне применим не только к анализу истории государств, но и к системати-

зации цивилизационных, культурных, религиозных и экономических закономерностей. Сегодня мы вполне можем говорить о «геополитике православия» и «геополитике ислама», о «геополитике социализма» и «геополитике демократии», о геополитике «белой расы» и геополитике «негритюда». По этой причине мне представляется своевременным дать иное, более широкое определение «геополитики».

Геополитика есть дисциплина, изучающая человечество во его взаимосвязи с пространственным фактором.

В последние столетия само собой разумеющимся был исторический (временной) метод, основанный на строгом и качественно осознанном диахронизме: вся бытие народов и государств рассматривалось, описывалось и изучалось как процесс развития. При этом постоянными считались именно универсальные закономерности исторического развития, развертывание бытия во времени. В этом проявилось увлечение диахроническим подходом, фасцинация *качественным временем*, т. е. собственно историей. География (пространство) понималась исключительно через призму истории (времени). Поэтому народы и страны, религии и культуры имплицитно и эксплицитно делились на «развитые» («передовые», «прогрессивные») и «неразвитые» («отсталые», «примитивные»). При этом исключительность историцизма отказывала неразвитым в праве на какую бы то ни было ценность и оригинальность: они становились ценными, только «догоняя передовых».

Сверхэксплуатация историцизма дала множество интереснейших учений, но и привела к массе несправедливостей, одной из которых – наиболее вопиющей – является европейский расизм (от работорговли до ужасов Освенцима). Приверженность к критериям качественного времени, принадлежность к более высоким этажам истории как бы наделяло одних правом на господство над другими только на том основании, что другие являются «недоразвитыми», а значит, не столько «другими», сколько «такими же, только несовершенными, недоделанными, ущербными». «Прогрессивные» нации вменили себе право на распоряжение «отсталыми» так же, как берут опеку над детьми, инвалидами или олигофренами.

Геополитика ставит своей целью сбалансировать одностороннее увлечение историцизмом (особенно ярко выраженное начиная с эпохи Просвещения) за счет приоритетного обращения к пространственному критерию. В каком-то смысле, геополитика оперирует с синхронической картой цивилизаций и народов. Если для историка важнее всего получить ответ на вопрос «когда» – и еще точнее, «до» или «после», то для геополитика важнее всего – «где». Смысл события определяется не столько его расположением на оси времени, сколько в пространстве.

Историцизм исходит из предпосылки, что пространственный (географический) фактор является однородным и несущественным, что историческое время и его структура в сущ-

ности едины. Геополитика утверждает, что у каждой точки планеты есть свое собственное время, выражающее внутреннюю закономерности пространства.

Понятая таким образом геополитика открывает колоссальные горизонты новой манеры человеческого мышления, философии, анализа. Теперь понятно, что применение геополитического подхода к сфере международных отношений, к области военной стратегии или макроэкономики есть не что иное, как проба сил, частное и узкое – фактически опытное, пробное – применение новой фундаментальной методологии мысли к довольно конкретным явлениям. Начавшись с реализации приземленных политических задач, геополитика незаметно подошла к тому пределу, за которым она призвана перерасти в нечто намного более масштабное.

Если историцизм был характерной маркой эпохи модерна, то геополитика – или, шире, философия пространства – претендует на то, чтобы стать приоритетным инструментом мышления эпохи постмодерна.

В соотношении исторической конкретики народа и страны с геополитическим кодом проявляется значимое неравенство национальных школ. Есть цивилизационные позиции, которые максимально сближаются с одним из полюсов. Геополитические школы данных стран и цивилизаций, как правило, отличаются предельной ясностью и последовательностью методологий – это естественно, поскольку, исследуя геополитический код, они исследуют базовую сущность сво-

ей собственной цивилизации. В таком привилегированном положении оказываются две цивилизации – англосаксонская (море) и евразийская (суша). Большинство других цивилизационных ядер имеют смешанный характер: разбирая их геополитический характер, мы с необходимостью говорим о балансе сухопутного и морского начал. Иными словами: все цивилизации, кроме евразийской и атлантической (англосаксонской), имеют в разной степени «береговой характер», строятся на диалектическом сочетании двух начал. Конечно, и в самом евразийском и атлантистском контекстах также есть как автохтонные, так и гетерогенные (с геополитической точки зрения) черты, но здесь можно говорить о наличии единого фундаментального вектора, от которого можно отклониться, но который нельзя заменить на прямо противоположный. Для береговых цивилизаций это не так: здесь победа евразийского или атлантистского начал может повлечь за собой радикальную смену цивилизационного курса. Хотя с позиции самих этих «береговых цивилизаций» игра со сменой геополитических ориентаций заложена в самую основу геополитической идентичности – и, в отличие от геополитических полюсов, неразрывно связанных со своими фундаментальными векторами, эта игра не несет в самой себе ни радикального этического значения, ни абсолютности.

Геополитика как метод и форма анализа международных отношений, стратегического баланса сил, конфликтов и союзов в планетарном масштабе имеет две стороны: постоян-

ную часть и переменную. Постоянная часть геополитического метода покоится на признании упомянутого выше неснимаемого противоречия между цивилизацией Моря (таласократия) и цивилизацией Суши (теллурократия). Как бы ни развивались отношения между главной державой Моря (начиная со второй половины XX века это однозначно США) и державой Суши (в течение последних трех столетий это, безусловно, Российская империя – СССР – современная Россия), они предопределены базовым дуализмом, «великой войной континентов». Именно на этом основываются все геополитические построения американских стратегов от адмирала Мэхэна до Николаса Спикмена и Збигнева Бжезинского. Современные американские стратеги – как неоконсерваторы (Р. Перл, М. Ледин, Р. Кэйгэн, П. Волфовиц), так и неолибералы и неодемократы – единодушно принимают эту базовую геополитическую модель, и рассматривают в ее русле отношения с Евразией, heartland'ом. Это как система сообщающихся сосудов: там, где у цивилизации Моря (атлантизм) прибывает, у цивилизации Суши (евразийство) убывает, и наоборот.

Этот постоянный фундаментал геополитики изменить невозможно: сам метод покоится на этом противопоставлении, и отказ от него равнозначен отбрасыванию геополитики как таковой. Тот, кто говорит «геополитика», подразумевает «дуализм цивилизаций» и «великую войну континентов». В противном случае он просто не знает, о чем говорит, и про-

износит ничего не значащие слова.

Геополитика в ее постоянной части рассматривает и отслеживает хронику этой планетарной дуэли Моря и Суши, атлантизма и евразийства, Востока и Запада, морского Левиафана и сухопутного Бегемота. Но вне территорий двух фундаментальных протагонистов геополитического противостояния лежит «третья зона» – rimland – береговая территория. В рамках современной политической географии эта «береговая зона» протянулась по берегу всего евразийского материка от Западной Европы через Ближний Восток, Центральную Азию к Дальнему Востоку и Тихоокеанскому пространству. «Береговая зона» по определению дуальна, в ней соседствуют и борются две противоположные геополитические тенденции, стремясь перетянуть каждую конкретную страну в сторону одного из двух полюсов – либо атлантистского, либо евразийского. Вся «береговая зона» целиком не может быть однозначно атлантистской или евразийской, она всегда двойная. Хроника геополитической истории «береговой зоны» и есть вторая переменная часть геополитики. В центре цивилизации Суши, в центре цивилизации Моря нет истории, это полюса, которые могут ослабевать или крепнуть. Но противоположный полюс всегда остается сущностно вне, по ту сторону. Для ядра атлантизма евразийство всегда нечто внешнее, как и атлантизм для евразийства. В пространстве «береговой зоны» все иначе: морские тенденции переплетены с сухопутными, двойная геополитическая

идентичность делает актуальным постоянный и непрерывный выбор, игру и баланс этих тенденций. Нет такой «береговой» страны, которая могла бы быть окончательно отнесена к Суше (Евразии) или Морю (Атлантике). Баланс требует постоянных инвестиций в ту или иную сторону, политические процессы всегда учитывают притяжения геополитических полюсов, а следовательно, любой выбор, сделанный в конкретный исторический момент, требует позже нового подтверждения, новых инвестиций, новых аргументов, так как в противном случае верх может взять альтернативная геополитическая линия.

Внешнеполитическая эkleктика, или Три стратегии Российской внешней политики

Несмотря на свое безусловно континентальное географическое положение (следствием которого является единственно возможная – евразийская внешнеполитическая линия), более десятилетия Россия не может сформировать ясной и последовательной внешнеполитической позиции. Любые попытки набросать какой-то непротиворечивый проект в этой сфере фатально проваливаются. Этому есть объяснение. Очень трудно определить место страны, находящейся в состоянии перехода, в мире, который сам находится в таком же переходном состоянии. И сладить с таким количеством неопределенностей действительно трудно. Поэтому внешняя политика России колеблется между спорадическими всплесками патриотизма (больше для внутреннего пользования) и следованием в фарватере политики США. Винить в этом внешнеполитическое ведомство нельзя, сейчас стоит вопрос об идентичности России в современном мире, о ее геополитическом статусе, и решать такие вопросы – вообще не дело дипломатов. Отсюда и расплывчатость и непоследовательность формулировок, противоречивость конкретных шагов. Выскажусь жестче: при неопределенности идентич-

ности России в современном мире никакой последовательной внешней политики у нее как страны в переходном состоянии нет и быть не может.

Чтобы тем не менее двигаться в этом направлении, следует понять логику трансформации всей международной системы отношений. Здесь налицо переход от модели двуполярного мира, воплощенного в Ялтинской системе и закрепленного в правовой системе таких организаций, как ООН, к однополярному миру при явной доминации США. Международное право отражает конкретный баланс сил. ООН и Ялтинская система отражали баланс сил, сложившийся по конкретным результатам Второй мировой войны с фиксацией зон влияния двух лагерей – социалистического и капиталистического – и с довольно обширной зоной «неопределившихся» или «неприсоединившихся» (Третий мир). Очевидно, что если бы исход Второй мировой был иным, то и международная система была бы иной.

После распада Восточного блока и краха СССР двуполярный мир закончил свое существование, в «холодной войне» победили США, оставшись единственной гипердержавой. Этот геополитический факт Вашингтон стремится закрепить уже юридически. Особенно наглядно эта тенденция проявилась в 2001–2009 гг., в президентство Джорджа Буша-младшего, на которого оказывали серьезное влияние неоконсерваторы. Но и для приверженцев «мягкой силы» из команды Барака Обамы доминирование Соединенных Штатов

тов в мире является непреложным фактом.

Это означает, что после ликвидации Ялтинской системы де-факто остается ликвидировать ее де-юре. Это и есть процесс однополярной глобализации: утверждение могущества США в планетарном масштабе, создание «Pax Americana» (мира по-американски) или «benevolent Empire» («благожелательной империи»). Вот от чего и к чему происходит переход всей мировой системы – от Ялты и международного порядка в стиле ООН к единоличной планетарной американской гегемонии.

А к чему же переходит сама Россия? От чего – понятно: она была совсем недавно ядром «второго полюса», уравновешивающего полюс НАТО и США, и, соответственно, важнейшим несущим элементом всей международной мировой системы. Отсюда место в Совете Безопасности ООН и другие привилегии, основанные на старых заслугах и старых возможностях. Но к чему движется Россия? Какое место хочет занять в мире?

На это есть три теоретических ответа, которые определяют три возможные внешнеполитические стратегии. Так как ни одна из них не выбрана окончательно, то следует говорить о всех трех одновременно, как об открытых возможностях.

Первая стратегия: Россия вписывается в однополярный мир под главенством США, выторговывая себе за уступку геополитического суверенитета оптимальные условия. Это

позиция российских либералов-западников, которые преобладали в российской политике в 90-е годы и чьи позиции оказывают существенное влияние на многие решения Кремля и до сих пор. В соответствии с этой стратегией России предлагается найти себе место в мире, сверстанном по американским лекалам. В рамках этого общего геополитического вассалитета Россия может стараться решить и какие-то свои региональные проблемы, но только с санкции США. По сути, вопрос о безопасности страны в такой ситуации перепоручается другой наднациональной инстанции или даже другой державе. И надо сказать, что некоторые моменты российской внешней политики последних лет могут быть объяснены только таким подходом. Лоббируют в Кремле такой подход, как правило, представители либерального крыла, идеологические наследники ельцинской «семьи», воспитанные на проамериканизме и ультралиберализме 1990-х. Если Россия окончательно встанет на этот путь, то, по сути, речь пойдет о снижении статуса России, о понижении ее ранга в геополитической иерархии. О роли «великой державы» можно будет забыть, да и региональные полномочия будут все более сокращаться.

Вторая стратегия: изоляционизм, национализм и рецидивы советского стиля внешней политики. Сплошь и рядом – часто в форме фантомных болей – такой подход ко внешней политике проявляется в современной России. Возникают теории вроде «крепости России», предложения полной

замкнутости, отказа от глобализации, от всякого диалога с Западом и Востоком. Это позиция более достойна с моральной точки зрения, но совершенно не обеспечена ресурсами. Изоляционизм если не погубил, то сильно ослабил СССР на прежнем этапе, когда Москва контролировала гораздо больший объем стратегических территорий. Обращение к национализму может подточить территориальную целостность самой России, а повторение советского внешнеполитического курса вообще невозможно, так как и сама Россия перестала быть социалистической державой, и ее бывшие партнеры по социализму изменили в большинстве случаев свои идеологические и геополитические ориентиры. Конечно, можно провозгласить себя «великой державой» несмотря ни на что, но это останется на уровне лозунга, а на практике у России нет никаких оснований для того, чтобы оставаться самодостаточным геополитическим полюсом. Цепляться же за ООН и другие остатки Ялтинской системы бессмысленно: их ликвидация – дело времени, и выиграет от этого лишь Вашингтон (неважно, «ястребиный» неоконсервативный или «мягкий» глобалистский).

Изоляционизм – путь тупиковый. Идя по нему, Россия быстро попадет в «черный список», будет включена в «ось зла», и с надеждами на модернизацию можно будет попрощаться. Изоляционизм является альтернативой глобализму только с формальной точки зрения: он откладывает наступление глобализма, а не отменяет его.

Третья стратегия российской внешней политики – евразийская. Она предполагает приоритет курса на многополярный мир. Эта многополярность должна быть не простым возвратом к Ялте и не инерцией благодушного пацифистского мышления в духе ООН или прежней Лиги Наций, но активным и даже агрессивным альтернативным проектом, учитывающим современные реалии, новые расклады сил, новые вызовы и новые альянсы – стратегические, цивилизационные и экономические. Евразийство отвергает однополярный глобализм, но отказывается и от изоляционизма. Если проамериканское лобби считает, что у России есть только один союзник – США, если изоляционисты утверждают, что «союзники России – это ее армия и флот», то евразийцы полагают, что у России сегодня множество союзников, гораздо больше, чем кажется, – это все страны Запада и Востока, которые в той или иной мере и по совершенно различным причинам и основаниям отвергают американскую гегемонию США, однополярность и пресловутую «благожелательную Империю». И в такой ситуации единственный шанс России вернуться в разряд по-настоящему великих держав – это дать возможность стать такими же великими державами другим странам, помочь им в этом – Евросоюзу, Китаю, Индии, исламскому миру и т. д., на том условии, что они в свою очередь помогут России. Если сегодня полюса, способного уравновесить, сбалансировать мощь США, нет, то его нужно создать. Причем всем вместе на равных паритетных

условиях. Это означает не просто отказ от глобализации, но придание глобализации радикально иного вектора, не атлантического, но евразийского. Никто не говорит, что это просто. Но в этом, по крайней мере, есть шанс.

Внешняя политика России могла бы быть и должна была бы быть именно евразийской. Но на данный момент это, увы, не так. И если некоторые евразийские элементы иногда встречаются, то они перемешаны с американизмом или изоляционизмом. Этим и определяется эклектичный и внутренне противоречивый стиль российской внешней политики. Мы пока не определились, кто мы, куда мы идем, кем хотим стать и какое место в мире нам принадлежит. А следовательно, ничего другого сейчас ожидать от МИДа нельзя. Не в МИДе дело.

Асимметрия

1. Объективный взгляд

Для того чтобы сформулировать евразийскую внешнеполитическую позицию, необходимо посмотреть на нынешнее положение России по-новому, здраво и объективно. Без обид, эмоций, ностальгии, озлобления. В каком мире мы оказались? Какие угрозы над нами нависли? Какова конфигурация современной карты мира с точки зрения стратегии? Что мы в такой ситуации должны сделать? А что – из того, что должны, – можем? Как осознается нами самими наше место, и как его видят вне России те силы, от которых действительно многое зависит?

Мало кто в нашем сегодняшнем обществе способен спокойно и бесстрастно не только ответить на эти вопросы, но хотя бы задать их. Однако ситуация меняется к лучшему: еще вчера каждая посредственность толкалась локтями, рвалась к микрофону и трибуне, будучи искренне уверенной, что ей есть что сказать по любому поводу, что она знает ответы на все вопросы. Слава Богу, этот нездоровый ажиотаж улетучивается. Все больше на лицах реальной озабоченности, вопросительности, интереса. Время болтовни (как либеральной, так и патриотической) безвозвратно уходит. Пора

менять тональность.

2. Тезис Запада – однополярный мир

На заре третьего тысячелетия сложился однополярный мир. Его единственным актуальным полюсом является Запад, США и их союзники по НАТО (с разной степенью интегрированности).

Этот однополярный мир имеет отчетливый, ясно различимый идеологический облик: это тоталитарно навязываемая космополитическая либерал-капиталистическая модель. На стратегическом уровне однополярный мир опирается на военную мощь США. В общем плане это неразделимые вещи: стратегический потенциал США (и специфика его конфигурации) и либерал-капиталистическая система в политике, экономике, социальном аспекте.

Однополярность подтверждается на обоих уровнях (стратегическом и идеологическом) тем, что в настоящий момент на земле нет ни одного военного образования, симметрично сопоставимого с военной мощью США, и нет единой идеологической конструкции, столь же универсальной, распространенной, общепризнанной и общепринятой, как либерал-капиталистическая (иногда с натяжкой называемая «либерал-демократической» – с натяжкой, так как реальной демократии там мало).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.